

Когда Линь Цинхэ пришла подошву, она увидела, что уже почти время обеда, поэтому она занялась раскатыванием теста и заворачиванием начинки для пельменей.

Ее пельмени были с тонкой оболочкой и обильной начинкой. Начинкой был свиной фарш и сельдерей, что значительно упрощало приготовление пельменей.

Тем не менее, всей семье они понравились, особенно ароматный сельдерей.

Как только Линь Цинхэ приготовила пельмени, Чжоу Цинбай пришел домой.

Линь Цинхэ сказала:

— Вода для тебя готова. Вымой лицо и руки и готовься есть пельмени.

Чжоу Цинбай согласился с ее словами.

Дава делал домашнее задание, а Эрва и Саньва писали и рисовали рядом.

— Отец, в кастрюле сладкий суп, — сказал Эрва.

— Хорошо, — ответил Чжоу Цинбай.

Вымыв лицо и руки, он почувствовал, что сильно посвежел.

Линь Цинхэ сказала:

— Выпей этот суп вечером, сначала тебе нужно съесть основное блюдо.

Пельмени быстро сварились. Через некоторое время Линь Цинхэ принесла их. По одной миске для каждого человека. Миска Чжоу Цинбая была огромной, а у Линь Цинхэ и трех сыновей были маленькие миски. Порция Чжоу Цинбая была примерно такая же, как у матери и сыновей вместе взятых.

Конечно, это было временно. Пройдет еще несколько лет, и запасы в доме будут сметаться на раз.

Сначала Чжоу Цинбай думал, что жена позволяет ему есть больше, но теперь он понял, что аппетит у жены не очень большой. Если она съест хоть немного больше, то будет ворчать что-то про похудение...

Чжоу Цинбай чувствовал себя беспомощным. Очевидно, она была очень худой. Он предпочел бы, чтобы она была немного толще. Однако она не хотела этого, говоря, что толстая она потеряет свою привлекательность.

Так что Чжоу Цинбай позволил ей делать все, что она хочет.

После ужина Линь Цинхэ немного отдохнула, а затем приняла душ.

Что касается мытья посуды, то этим занимался Дава. Уборка во дворе была задачей Эрва. Работа во дворе была обязанностью Чжоу Цинбая. Линь Цинхэ и Саньва отвечали за то, чтобы наслаждаться собой.

Приняв ванну, Линь Цинхэ сама постирала свою одежду. Чжоу Цинбай, не умеющий управлять своей силой, не должен был прикасаться к ее одежде. А сама она постирала одежду быстро, менее чем за три минуты.

Закончив прибраться на заднем дворе, Чжоу Цинбай пошел в ванну и постирал свою одежду и одежду детей.

После того как он закончил все эти дела, было уже немного за семь.

— В загоне для цыплят есть еще два цыпленка? — спросил Чжоу Цинбай у своей жены.

— Ага, мы вырастим их, и съедим во время летнего урожая, для того что бы подпитать тело, — Линь Цинхэ все еще занималась подошвами, пока отвечала.

Она чувствовала, что была очень предусмотрительна. В прошлом она никогда не думала, что будет делать такие вещи, но теперь она сама шила одежду и обувь. Она чувствовала себя по-настоящему внимательной женой.

Выражение лица Чжоу Цинбая смягчилось.

— Я не знаю, чем я задолжала вам, отцу и сыновьям, в прошлых жизнях, чтобы в этой жизни служить вам в качестве коровы и лошади, — горько усмехнулась Линь Цинхэ. Затем она попросила Чжоу Цинбая поднять его ноги и сравнила их с подошвой, прежде чем закончить.

— Я знаю, что ты много работала, — посмотрел на нее Чжоу Цинбай.

Линь Цинхэ подняла глаза и посмотрела на него:

— Посторонние говорят, что я транжира, не только разоряю семью, но и невежественна в

образе жизни и разоряю тебя. Тебе не повезло, когда ты женился на мне.

Глаза Чжоу Цинбая искрились юмором:

— Слова снаружи нельзя воспринимать как правду.

Линь Цинхэ тихо вздохнула:

— Мне остается относиться к этому только как к пустяку, иначе стоит ли мне принимать это близко к сердцу?

Во время ночного сна Чжоу Цинбай серьезно ухаживал за своей женой.

Линь Цинхэ обнимала его и наслаждалась моментом. Как и Чжоу Цинбай.

— Если тебе скучно дома, возьми Эрва и Саньва посмотреть кино, — предложил Чжоу Цинбай.

— Смотреть фильмы необязательно. Дава будет ворчать, когда узнает. Завтра я собираюсь взять мальчиков с собой в город за покупками, — ответила Линь Цинхэ.

— Купите все, что хотите съесть, — сказал Чжоу Цинбай.

Линь Цинхэ выразила свое согласие.

Пара спала в обнимку. Сначала Линь Цинхэ хотела держаться от него подальше, потому что ей было жарко. Но муж поймал ее, и она не могла спать, как хотела.

На следующий день Дава отправился в школу, а Чжоу Цинбай — на работу. Линь Цинхэ оставила Фэй Ина охранять дом и заперла дверь, прежде чем вывести Эрва и Саньва.

Что касается домашних свиней, то они уже были накормлены. Не было проблемой вернуться чуть позже и покормить их с небольшой задержкой.

Стильно одевшись, Линь Цинхэ вышла на улицу вместе с двумя сыновьями. С первого взгляда можно было понять, что она собирается в город.

— Посмотрите, как она себя ведет. Все работают, и только она едет на велосипеде, как городские жители. Если не знать, то можно подумать, что она едет на работу! — усмехнулась Ван Линь, которую в прошлый раз рассердила Линь Цинхэ.

Вторая невестка тоже усмехнулась:

— Дома не осталось денег, а она все еще осмеливается так расточительно тратиться. Посмотрим, как ее три сына будут жениться на своих женах в будущем!

«Мой живот уже довольно большой, но я все равно вынуждена работать. Но Линь Цинхэ это не нужно. Ей не нужно ничего делать, а только целыми днями бездельничать дома!»

— Откуда ты знаешь, что денег нет? Насколько я вижу, их еще много, иначе как бы она осмелилась так себя вести? — сказала Ван Линь.

— Сколько ей достаточно, чтобы так тратиться? Я слышала, что она порвала связи с материнской семьей. Видимо, она вернулась к материнской семье, чтобы занять денег, но ее материнская семья не дала ей займы.

— Разорвала связи? — озадаченно произнесла Ван Линь: — Разве они не сказали, что у них возникли разногласия?

— Это то, что они говорят посторонним. Деньги не занимали, и она не возвращалась в материнский дом два года.

— Если денег нет, а она осмеливается так жить. Нужно ли ее трем сыновьям все еще жениться на жене или нет? Это не то же самое, что раньше, когда девушки выходят замуж, пока у семьи жениха есть еда, — сказала Ван Линь.

— Да кого это волнует? — фыркнула вторая невестка.

Старшая невестка и третья невестка тоже пришли на работу. Они обе отстали и не знали, о чем шла речь, так как находились на расстоянии, но догадывались, что тема касалась матери Дава.

— Дани вернулась вчера и сказала, что ее четвертая тетя пригласила девочек выпить сладкого тонизирующего супа, и Саньни тоже не осталась в стороне, — сказала старшая невестка.

Не только Чжоу Дани упомянула об этом по возвращении, Чжоу Уни сказала то же самое третьей невестке.

— Это неблагодарность, — скривила губы третья невестка.

Вернувшись, ее дочь сказала, что в сладком супе были красные финики, красная фасоль, ягоды годжи, сушеный лонган и арахис. Более того, он был приготовлен на коричневом сахаре. Такой сладкий и ароматный, он был особенно вкусным.

Мать Дава не стала возражать и дала Саньни миску. Саньни была разумным человеком, поэтому, вернувшись, она скорее всего рассказала об этом матери.

— Я не понимаю, чего она надеется добиться этим? — высказалась старшая невестка.

Третья невестка рассмеялась:

— Кто знает.

Вернемся к Линь Цинхэ. Она приехала в уездный город, чтобы продать свинину. Мясо копилось уже долгое время, поэтому его было очень много.

Избавившись от мяса, Линь Цинхэ повела двух сыновей в торговый центр. Она купила школьные принадлежности для Дава, несколько детских книг для Эрва и стеклянные шарики для Саньва. Малыши были в восторге.

Эрва, получивший детскую книгу, был в таком восторге, что сразу же привязался к ней.

— Если твой старший брат захочет посмотреть ее, ты должен одолжить ее ему. Ты не можешь хранить ее у себя, — сказала Линь Цинхэ.

— Да, — радостно согласился Эрва.

Линь Цинхэ снова повела детей прогуляться по окрестностям.

Размышляя о том, что еще нужно дома, она купила все необходимое и пошла домой.